

в современной вьетнамской марксистской историографии. Заканчивая этот краткий обзор, следует еще раз подчеркнуть тот глубокий интерес, который проявляют историки нового Вьетнама к марксистскому освещению древнего периода в истории своей страны, очень скромно оценивая в то же время свои результаты и отмечая, что «еще очень мало сделано по древней истории. Вопросы рабовладения надо еще глубже и шире исследовать, учитывая и общие закономерности развития общества и специфику древнего Вьетнама»¹.

Д. В. Деоник

G. MICKNAT, *Studien zur Kriegsgefangenschaft und zur Sklaverei in der griechischen Geschichte, erster Teil. Homer, «Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz», Jahrgang 1954, № 11, стр. 563—624.*

Рецензируемая книга уже по своей тематике представляет собой далеко не обычное явление в современной западноевропейской литературе. Несмотря на все более увеличивающееся количество работ по гомеровскому эпосу², зарубежные исследователи уделяют мало внимания социальной тематике и в частности проблеме рабства. Это замечание относится даже к классическому периоду; оно тем более справедливо в отношении к историографии ранней Эллады. Вряд ли можно считать случайностью то поразительное, но тем не менее вполне точное обстоятельство, что вот уже на протяжении целого столетия³ в исключительно обильной, насчитывающей многие тысячи названий, специальной литературе не появилось ни одной монографии, которая была бы посвящена изучению гомеровского рабства, хотя «Илиада» и тем более «Одиссея» представляют в этом плане очень благодарное поле для исследования. Книга Гизелы Микнат представляет собой поэтому отродное исключение.

В заключении своей работы автор, повидимому начинающий ученый, приносит благодарность проф. И. Фогту за помощь в выборе темы и за руководство. Здесь же читатель предупреждается, что данный труд является лишь первой частью исследования. Следует также отметить, что в настоящее время сам И. Фогт начал проявлять интерес к роли рабства в истории классической Греции, о чем свидетельствует его последняя небольшая работа, заслуживающая, впрочем, особого рассмотрения⁴. Прорубание в западной историографии интереса к изучению рабства и его значения в истории древней Греции, разумеется, следует приветствовать⁵.

Г. Микнат не склонна преуменьшать роль рабынь в эпосе и приукрашивать их тяжелую судьбу, в чем она выгодно отличается, например, от В. Л. Вестерманна⁶. Книга начинается с правильного, хоть и несколько парадоксально звучащего, заявления, что «все действие „Илиады“ начинается со спора из-за двух рабынь» (стр. 565). обстоятельно анализируя все данные в поэмах и в схолиях о Хрисеиде, Брисеиде, Гекамеде и других поименно названных рабынях, она неоднократно подчеркивает, что судьба рядовой массы рабынь была неизмеримо тяжелее участи знат-

¹ М и н ь Ч а н ь, ВСД, 1955, № 7, стр. 25.

² В дополнение к библиографии, указанной в ВДИ, 1955, № 3, стр. 140, прим. 1, см. также статьи А. Л е с к и в «Anzeiger für Altertumswissenschaft», 1953, стр. 129—150, и 1955, стр. 129—156.

³ W. R i c h a r d, *De servis apud Homerum*, В., 1851. Кстати говоря, эта работа, вероятно, осталась неизвестной автору рецензируемой книги.

⁴ J. V o g t, *Sklaverei und Humanität im klassischen Griechentum*, Wiesbaden, 1953.

⁵ Важное явление в этой области — выход в свет посмертной работы крупнейшего специалиста по истории античного рабовладения В. Л. Вестерманна; см. W. L. Westermann, *The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity*, Philadelphia, 1955.

⁶ W. L. Westermann, *Sklaverei*, RE, Suppl. VI (1935), стб. 897 сл.

ных пленниц (стр. 569 и 605, особенно прим. 2), которая, впрочем, в глазах поэта также достойна сожаления. На обильном материале автор показывает громадную роль, которую играют в «Илиаде» такие понятия, как «день рабства» и «день свободы» (стр. 575, прим. 4 и стр. 602, прим. 4).

После вводных замечаний об общем характере рабства в «Илиаде» автор переходит к анализу роли города в эпосе. Понятие города, его взаимоотношений с соседними городами и племенами, наконец его эволюция, поскольку ее можно проследить в «Илиаде» и частично в «Одиссее», — все это представляется наиболее важным звеном в концепции автора, отправной точкой всех ее дальнейших рассуждений и выводов. Г. Микнат детально анализирует сцены мирной жизни и осады городов на щите Ахилла и в других местах «Илиады», широко привлекает сведения из параллельных описаний на «Щите Геракла», частично использует ряд других свидетельств ранне- и позднегреческих источников. По ее мнению, ядром содержания первой гомеровской поэмы является борьба за город. Несколько утрируя, она пишет: «„Илиада“ является эпопеей осады города» (стр. 607). Центральными героями поэмы она считает неразрывно связанную пару — «разрушителя городов» Ахиллеса и «защитника города» Гектора, причем именно эти качества представляются ей основными в поэтической характеристике того и другого героя поэмы.

Подводя итог своему исследованию, Г. Микнат считает возможным различить в «Илиаде» два периода в эволюции города и его отношений с окружающим миром. При этом — это необходимо специально отметить — постулируемые ею периоды никоим образом не связаны с принятым в историографии вопроса делением содержания эпоса на микенские и собственно гомеровские наслоения. И первый и второй периоды, по ее словам, относятся не ко времени эпического прошлого, а к эпическому «теперь».

Первый период, приурочиваемый автором примерно к началу греческой колонизации Малой Азии, следовательно, к началу I тысячелетия до н. э., характеризуется повсеместными миграциями. В это время завоеватели убивали все мужское население покоренных ими городов, сами поселялись в этих городах и брали в жены местных женщин — жен и дочерей убитых. К этому периоду Г. Микнат относит упоминания в эпосе о наложницах Ахиллеса, Агамемнона, даже Нестора и других героев «Илиады». Сюда же, по ее мнению, следует отнести многократные призывы троянцев и их союзников защищать город, жен и малых детей. «Поэтому, — подчеркивает автор, — борьба идет за Елену, прототип тех женщин, из-за которых разрушают города» (стр. 608).

Второй период Г. Микнат датирует временем жизни автора «Илиады» и характеризует его следующим образом: «Теперь город стоит против города. Противники заключают друг с другом договоры ради охраны имущества и призывают на себя и своих проклятия в случае нарушения договора. Предметом грабежа друг у друга являются уже не женщины, а скот и другое имущество. Отсюда возникает война... После завоевания город не заселяется, а опустевает. Победитель забирает с собой имущество; женщины же используются дома в качестве рабынь, так как греческий город-государство рано ощущает нужду в помощи несвободных. Поэтому падают и детей, так как они должны работать» (стр. 608 сл.). Ко второму периоду относятся: разговор Гектора с Андромахой, значительная часть XXIV песни «Илиады», поединок между Менелаем и Парисом в III песне и многие другие места. Важным критерием для определения принадлежности какого-нибудь места к тому или иному периоду автор считает упоминание или, наоборот, умолчание в соответствующих формулах о детях. Места, где говорится о гибели детей, относятся ею безоговорочно к первому периоду.

Общей чертой обоих периодов Г. Микнат считает убийство взрослого мужского населения побежденного города и пленение женщин, с той только поправкой, что в более позднее время некоторое количество плененных во время боя мужчин оставляется победителями в живых для получения выкупа или же, в очень редких случаях, для продажи во внешний мир, где существует спрос на рабов-мужчин (стр. 609).

Что касается важного вопроса о купле-продаже рабов, автор склонен отрицать возможность работорговли, по крайней мере для «Илиады»; Г. Микнат пишет: «...Продажа пленных имеет в качестве предпосылки покупное рабство, о котором в

„Илиаде“ не говорится» (стр. 599). С другой стороны, в специальном экскурсе о покупке рабстве (стр. 613 — 617) она заявляет, что «...если в „Илиаде“ нет еще работорговли в собственном смысле, то в „Одиссее“ она, несомненно, является одним из факторов, определяющих весь жизненный уклад» (стр. 615).

Очень интересны и насыщены лингвистические примечания в книге. Автор подробно и со знанием дала анализирует смысловое значение целого ряда эпических терминов, имеющих значение для темы его исследования. К ним принадлежат; ἀνδράποδον (стр. 596, прим. 2), ἄποινα (стр. 598, прим. 3), λεία (стр. 605, прим. 2), δμῶνι и δοῦλη (экскурс IV, стр. 620 сл.) К сожалению, в книге нет указателя терминов, автор обещает дать сводный указатель во второй части своего труда.

Важное место в книге занимают экскурсии; их всего шесть (стр. 612 — 624). Как правило, они посвящены не частным, но общим вопросам, которые автор по т.м или иным соображениям не счит возможным включить в основной текст. Это: I — городской образ мышления, II — покупное рабство, III — умыкание женщин, IV — δμῶνι и δοῦλη, V — захват земель и VI — споры между городами. Наиболее важным является первый экскурс, в котором автор излагает свою концепцию возникновения полиса.

Таково в общих чертах содержание небольшой, но насыщенной конкретным материалом, книги Г. Микнат.

Г. Микнат хорошо знакома с современной немецкой литературой, посвященной гомеровским поэмам. В некоторой, все же недостаточной, степени она использует и английских авторов; главным образом, это, впрочем, относится к публикациями гомеровских текстов Аллена и комментариям Станфорда к «Одиссее». Однако автор почти совершенно не использовал, за исключением некоторых работ Мазона и Берара, французскую историографию. В частности, это относится к работе Миро, концепция которого во многих отношениях совпадает со взглядами самой Г. Микнат¹. Незнакомой автору осталось и советская литература. Между тем в нашей статье «Об историческом месте гомеровского рабства»² анализируется, правда с других позиций, примерно тот же круг вопросов, что в рецензируемой книге.

Как указывалось выше, сильной стороной работы Г. Микнат является широкий охват и зачастую удачный анализ литературных источников. Однако решение ряда общеисторических проблем, на которое претендует автор (характер миграций, возникновение полиса, распространение рабства и т. д.), вряд ли может быть удачным без учета данных других категорий источников. Это чувствует и сама Г. Микнат. Так, например, в поддержку своего утверждения о поселении завоевателей в покоренных городах и о мирном сосуществовании с местным населением (стр. 594, прим. 4) она глухо ссылается на «результаты раскопок в греческом мире». Однако в качестве источника, подтверждающего эти результаты, указывается только... Павсаний. Вообще археологическая литература ею почти не используется.

Почувительным примером ошибочности метода, основанного на изучении одной только группы источников, может служить следующее. Согласно концепции Г. Микнат, порабощение женщин предшествовало появлению рабов-мужчин (см. экскурс IV, стр. 620 сл.); исходя из этого, она доказывает, что слова δμῶνι и δοῦλη появились в греческом языке раньше, чем соответствующие мужские термины³. Тем не менее она здесь же делает ссылку на известные работы М. Вентриса и А. Фурумарка, которые указывают, что термины do-e-to и do-e-ga обозначали рабов уже с середины II тысячелетия до н. э. Само собой разумеется, что тезис Г. Микнат о появлении в греческом языке слова δοῦλος уже после создания «Одиссеи», не может быть принят, если считать правильным метод расшифровки линейного письма В, предложенный М. Вентрисом⁴. Понятно, каждое новое крупное открытие заставляет

¹ E. M i g e a u x, Les poèmes homériques et l'histoire grecque, P., 1948.

² ВДИ, 1952, № 2, стр. 38—59.

³ Что касается второго из указанных терминов, ср. ВДИ, 1952, № 2, стр. 44.

⁴ О do-e-to и do-e-ga см. замечания в нашей статье «Пилосские надписи и проблема рабовладения в микенской Греции», ВДИ, 1955, № 4, стр. 53—60.

пересматривать многие выводы, сделанные до этого открытия. Так было после опубликования «Афинской политики» Аристотеля, так же обстоит дело и теперь после расшифровки линейного письма В. Однако Г. Микнат, даже будучи знакомой с соответствующими новыми работами, фактически игнорирует противоречащие ее выводам свидетельства нелитературных источников.

Еще более ограниченной является методология Г. Микнат. В самом деле, разве можно серьезно думать о решении проблемы рабства в эпосе без предварительного исследования закономерностей развития гомеровского общества и изучения его социальной структуры? Между тем автор и не задумывается над этим кругом вопросов. Как указывается в названии рецензируемой книги, она посвящена анализу «плена и рабства». Но ведь проблема рабства значительно шире, чем вопрос об участии военнопленных. Порабощение пленных даже в гомеровское время было важнейшим, но всего лишь одним из источников рабства. Подчеркивая порабощение пленных женщин и чересчур категорически, на наш взгляд, отрицая работоторговлю, Г. Микнат, например, совершенно упускает из вида третий источник рабства — доморожденное, о котором, хоть и немного, но все же сообщается в «Одиссее» (сынвья Долвиона). Таким образом, достаточной полнотой автор исследовал лишь один из источников рабства — войну. Таких важнейших вопросов, как использование рабского труда, общественное положение рабов и т. д., Г. Микнат касается лишь мимоходом. В ее книге изучение рабства фактически оказалось подчиненным исследованию положения военнопленных.

Сколько ошибочен такой подход, видно, например, из того, что автор даже не ставит вопроса о том, какая рабочая сила использовалась в хозяйствах басилеев. Ведь вряд ли можно предположить, что во времена составления «Илиады» при широком применении труда рабынь, абсолютно не использовались рабы-мужчины, например в скотоводстве. В этом отношении картина, рисуемая автором «Одиссеей», не могла значительно отличаться от несколько более раннего времени. Как бы то ни было, обязанностью Г. Микнат было хотя бы поставить этот вопрос. К сожалению, она этого не сделала.

Название рецензируемой книги может еще в одном отношении ввести в заблуждение читателя. Автор фактически изучил обстоятельно только «Илиаду». Данные второй гомеровской поэмы используются ею лишь попутно, да и то главным образом в экскурсах. Возможно, что «Одиссее» будет посвящена следующая часть исследования. Г. Микнат. Однако даже в этом случае нам кажется сомнительной возможность изучения рабства по данным одной лишь «Илиады». В «Одиссее» их несравненно больше, и, как указывалось выше, многие ее места относятся и к предшествующему времени. Во всяком случае нам думается, что грань между двумя гомеровскими поэмами значительно менее резка, чем утверждает Г. Микнат.

Ее концепция опирается в значительной мере на постулируемое ею умолчание о работоторговле и на отсутствие порабощения мужчин-военнопленных в «Илиаде». Но категоричность такого утверждения вовсе не подтверждается дошедшим до нас текстом поэм. В угоду своим общим взглядам Г. Микнат считает интерполяцией свидетельство о продаже ахейцами Евнею наряду со скотом и военнопленных. Греческое *ἀνδράποδος* насколько мне известно, всегда означало только мужчин. Она считает также не показательными свидетельства «Илиады» о продаже Ахиллесом сыновей Приама на Лемнос. Наконец, автор настаивает на исправлении текста Od. I, 398 так, чтобы читать там «рабынь» вместо «рабов» (стр. 621). К тому же даже рабынь Елены — сидонянок, которых Парис привез из Финикии (Il., VI, 288—292), Г. Микнат без какого-либо обоснования считает военнопленными (стр. 619 и 593, прим. 3). Столь большое количество вносимых ею исправлений в текст поэм только лишь в угоду концепции само по себе ставит под большое сомнение надежность ее умозаключений.

Как говорилось выше, отправным пунктом рассуждений Г. Микнат явились ее наблюдения над гомеровским городом. Действительно, при чтении «Илиады» ощущается различие в отношении поэта к разным общинам; права Г. Микнат и в том, что иногда речь идет только о женщинах, а в других случаях и о детях. Все это верно. Пожалуй, можно также эти различия считать одним из признаков одновременности тех или иных

слоев в поэме. Однако и здесь необходимо сделать несколько существенных оговорок. Во-первых, исторически не засвидетельствована линия непрерывного развития от «города» микенского времени к классическому полису. Со времени переселения дорян и вплоть, по крайней мере, до VIII в. нет никаких оснований говорить о существовании в Греции городов. Литература, приводимая автором в первом экскурсе, убедительно подтверждает это. Об этом же не менее убедительно свидетельствуют хотя бы раскопки афинского Керамика. А ведь Афины были, пожалуй, единственным местом, где не изменился состав населения в бурные времена крушения ахейских государств. Во-вторых, Г. Микнат полностью игнорирует засвидетельствованные в сотнях исследований, подтвержденные многочисленными археологическими раскопками и в самое последнее время даже текстами линейного письма В следы микенского времени в эпосе, особенно в «Илиаде». Считать, что все упоминания о городе в эпосе относятся к эпическому «теперь», и совершенно не учитывать того, что хотя бы часть их должна восходить к событиям II тысячелетия, — идет вразрез со всей линией изучения гомеровских поэм на протяжении более чем столетия.

Таким образом, главная ценность рецензируемой работы состоит, как нам кажется, не столько в концепции автора, во многом очень спорной и зачастую просто ошибочной, сколько в важной подборке свидетельств литературных источников о рабстве и иногда в остроумной и свежей интерпретации некоторых, казалось бы, давно известных и полностью выясненных мест в «Илиаде».

Я. А. Ленцман

ЛАТИНСКИЕ НАДПИСИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 1949 — 1955 ГОДАХ

За рассматриваемый период наибольшее внимание специалистов привлекла большая — в 62 строки — надпись, представляющая собой отрывок рогагии о посмертных почестях Германику¹. Надпись начинается с постановления о сооружении статуй Германику и его отцу Друзу, которые должны были быть помещены на Палатине в портике Аполлона, принадлежавшем к храму, где обычно имели место заседания сената, и с постановления о включении его имени в песни салиев, подобно тому, как в их песни уже включены имена Цезарей Гая и Луция. Далее следует наиболее важная часть рогагии. Она гласит, что подобно тому, как после смерти Гая и Луция Цезарей были образованы 10 центурий их имени для голосования о кандидатах, намечаемых в консулы и преторы, теперь были образованы еще пять центурий, носящих имя Германика Цезаря. В эти 15 центурий входили сенаторы и всадники, принадлежавшие к судейским декуриям. Порядок и процедура голосования определялись законом консулов 5-го года Луция Валерия Мессалы Волеза и Гнея Корнелия Цинны Магна, который прежде был неизвестен. Вначале посредством жеребьевки определялось, в какую из предназначенных для голосования 15 корзин будут опускать таблички с именами кандидатов сенаторы и всадники, принадлежавшие к 33 трибам, — трибы Сукуссанская и Эквилинская исключались. В три из этих корзин опускали таблички представители трех триб в каждую, в остальные — члены двух триб в каждую. После жеребьевки тот, кто руководил голосованием, вызывал по очереди сперва сенаторов, а затем всадников каждой трибы для подачи голосов. После окончания голосования оглашались его результаты также в порядке, установленном согласно жеребьевке.

Относительно членов двух исключенных триб и в некоторых особых случаях, например, если в какой-либо трибе не будет сенаторов или всадников, руководящий голосованием должен был действовать по предписаниям закона Мессалы и Цинны. Затем предлагалось помещать курульное кресло Германика, украшенное дубовым венком, в театре во время игр, даваемых жрецами Августа. Заключительная часть отрывка надписи содержит предписания относительно похорон Германика: всадники низшего

¹ АЕр., 1949, № 164; 1952, № 215.